

Зарин Андрей Ефимович

Призвание
Роман

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Призвание: Роман / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 258 с.

ISBN 978-5-519-85678-2

ISBN 978-5-519-85678-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Хрипловъ распахнулъ пледъ. Изъ подъ широкихъ полей шляпы сверкнули бѣлки его черныхъ глазъ.

— Ну, да чортъ съ тобой, продавай хоть душу!— обругался онъ и завернулся еще плотнѣе.

Они перешли мостъ, прошли по первой линіи и остановились у воротъ большаго дома подлѣ Тучкова моста.

— Прощай покуда,—сказалъ Хрипловъ:—ты къ Деминымъ?

— Да, какъ-же! Они такъ интересуются!

— Изъ за нихъ все!—ухмыльнулся Хрипловъ и вдругъ заговорилъ смущенно и торопливо:—А вѣдь я къ тебѣ за дѣломъ приходилъ, да вотъ чуть не забылъ... Рубля нѣтъ у тебя?

— Ахъ, Господи, что-же ты сразу не сказалъ! Есть, какъ-же! Третьяго дня десять отъ Сигина сцапалъ. Вотъ два: возьми два, у меня еще останется!

Можинъ вынулъ деньги и далъ Хриплову.

— Плохо у тебя?—спросилъ онъ.

— Плохо, братъ, — отвѣтилъ Хрипловъ, пряча деньги: — спасибо; дома ни чаю, ни сахару, ни свѣчки; у меня даже масло вышло!

— Вотъ видишь, видишь! — словно обрадовался Можинъ:—Вотъ тебѣ искусство! А служба если...

— Эхъ, къ чорту! — разсердился Хрипловъ:— Вотъ кончу заказъ, сразу 75 руб. будетъ, а тамъ можетъ опять подвернется...

— Подвернется!—скептически повторилъ Можинъ.

— Что-же дѣлать, если не везетъ! Вонъ Дехтеревъ—чортъ! Ни ума, ни таланта, а пристроился. При одномъ «Отечествѣ», рублей на шестьдесятъ наковыриваетъ! Э, да что! И на нашей улицѣ праздникъ будетъ!—сказалъ Хрипловъ, встряхнувъ головою.

— Ну, прощай! Кланяйся Катеринѣ Степановнѣ!

Славная она у тебя!—сказалъ Можинъ, протягивая руку.

— Золото она! — съ чувствомъ отвѣтилъ Хрипловъ и пошелъ въ ворота.—А все-таки души не продамъ!—крикнулъ онъ вслѣдъ Можину, словно въ отвѣтъ на всю ихъ бесѣду.

Можинъ обернулся, засмѣялся и, кивнувъ головою скрывшемуся подъ воротами Хриплову, быстро пошелъ черезъ Тучковъ мостъ. Онъ шелъ на Петербургскую сторону. Тамъ, противъ Петровскаго парка, въ чистенькомъ домикѣ съ зелеными ставнями жило семейство отставного учителя Демина. Тамъ жила Маша, девятнадцатилѣтняя дѣвушка, которая обѣщалась быть женою Можина. Онъ торопился теперь туда, поскорѣе сообщить радостную вѣсть.

«Души не продамъ!»—улыбнулся Можинъ, вспоминая слова Хриплова: — «Смѣшной онъ. Благоговѣетъ передъ искусствомъ, считаетъ себя жрецомъ, и холодаетъ, голодаетъ, продаетъ за гроши лучшія свои работы, бьется — и все ничего не выходитъ! Бѣдность! Что-же дѣлать, если не везетъ! Вотъ мы лучшіе были и не при чемъ, а Дехтеревъ?.. Нѣтъ, я хорошо сдѣлалъ!» — и Можинъ, радостно улыбаясь, торопился къ Деминымъ.

Семейство Деминыхъ, куда шелъ Можинъ, состояло изъ отца съ матерью, дочери и сына.

Николай Ардальоновичъ Деминъ, прослуживъ тридцать пять лѣтъ учителемъ географіи въ гимназій, вышелъ въ отставку и зажилъ тихую жизнь въ своемъ собственномъ деревянномъ домикѣ.

Высокій, худой старикъ съ длинными сѣдыми волосами, съ добрыми голубыми глазами и чисто выбритымъ лицомъ — онъ былъ неслышенъ въ домѣ, всецѣло погруженный въ игру съ самимъ собою въ

шахматы или въ «механическія изобрѣтенія», какъ выражался онъ самъ.

Владѣя небольшимъ капиталомъ, онъ имѣлъ возможность тратить деньги на разные приспособленія и матеріалы для своихъ работъ и, изобрѣтая то самодѣйствующій плугъ, то приборъ для автоматической стрѣльбы, то хитрую машинку для точенія карандашей—заваливалъ чердакъ желѣзнымъ и деревяннымъ хламомъ, представляющимъ собою модели проектируемыхъ имъ машинъ и приборовъ. Со своею супругою, Софьей Демьяновной, жилъ-бы онъ мирно и согласно, если-бы не «механическія изобрѣтенія», отъ которыхъ у Софьи Демьяновны, по ея выраженію, «всѣ печенки переболѣли».

Сначала она рѣшилась было «выбить эту дурь» изъ головы мужа и всѣми средствами старалась препятствовать ему въ такихъ тратахъ и затѣяхъ, но, наконецъ, видя, что своротить супруга своего съ гибельнаго пути изобрѣтательности невозможно, махнула рукою и ограничилась только тѣмъ, что при каждомъ удобномъ случаѣ осыпала его градомъ упрековъ и язвительныхъ насмѣшекъ.

Но Николай Ардальоновичъ переносилъ ихъ съ кроткою улыбкою на лицѣ, подъ злобный голосъ жены продолжая строгать, точить или прилаживать какую-нибудь часть своей новой машины.

— Блаженный, просто юродивый и ничего больше! — кричала изступленно Софья Демьяновна, съ яростью хлопая дверьми.

— Погоди, что скажешь, когда я осчастливлю бѣднаго земледѣльца автоматическою сохою!—кротко улыбаясь, говорилъ вполголоса Николай Ардальоновичъ и съ удвоеннымъ рвеніемъ принимался опять за свою работу.

Софья Демьяновна была въ контрастъ мужу своему

женщина горячаго темперамента и характера бранчиваго. По хозяйству она была истю «собирательницею дома»; сухого практическаго ума женщина, она умѣла экономить на всемъ и, благодаря ея способности, Николаю Ардальоновичу удалось купить себѣ домикъ на Петербургской сторонѣ и скопить небольшую деньгу.

При всѣхъ этихъ качествахъ она была женщина ограниченная, невѣжественная и душою черствая.

Дочь ихъ, девятнадцатилѣтняя Маша, въ прошломъ году окончившая курсъ гимназіи съ золотою медалью, была милая дѣвушка, робкаго, покорнаго характера, даже въ мысляхъ не смѣвшая выходить изъ повиновенія матери. Встрѣтившись съ Можинымъ и узнавъ о его любви къ ней, она робко отвѣтила ему взаимностью и согласилась ждать, когда онъ станетъ настолько обеспеченъ, что осмѣлится просить ея руки у Софьи Демьяновны.

«Все-же адъютантъ при ней на всякій случай», — думала Софья Демьяновна, видя усиленное ухаживаніе Можина за кротою Машею: — «голь, а вдругъ въ люди выйдетъ — тоже можетъ случиться» — и смотрѣла сквозь пальцы на дѣтскія шапки влюбленныхъ.

— Молоды вы, Александръ Сергѣевичъ, много еще впереди времени, — говорила она Можину: — трудитесь, поступите на службу и, можетъ, добьетесь положенія, обеспечите жизнь, и тогда любая мать отдастъ за васъ свою дочь!

Можинъ принималъ ея слова, какъ косвенное согласіе на его женитьбу на Машѣ и признательно лобызалъ пухлую руку Софьи Демьяновны.

Онъ продолжалъ ходить къ Деминымъ, продолжалъ ухаживать за Машею, и всѣ въ домѣ Деминыхъ смотрѣли на него, какъ на «своего», а Маша

украдкою цѣловала его и считала своимъ «женихомъ». Кромѣ Маши у Деминыхъ былъ еще сынъ, пятнадцатилѣтній Ардальонъ.

Учился онъ въ четвертомъ классѣ гимназіи и былъ мальчикъ бойкій, смышленный, рѣзкаго характера, съ насмѣшливымъ языкомъ.

II.

На нетерпѣливый звонокъ Можина, отперъ дверь Ардальонъ. Запирая ее, онъ спросилъ:

— Что это вы сіяете и чуть проволоку у звонка не оборвали?

— Мѣсто получилъ, Ардальона! — отвѣтилъ смѣясь Можинъ и, сбросивъ пальто, пошелъ въ комнаты.

— Теперь добивайтесь генеральскаго чина, и наша Маша будетъ ваша! — сказалъ Ардальонъ и, перегнавъ Можина, громко крикнулъ:

— Маша, мамаша! Александръ Сергѣевичъ мѣсто получилъ. Идите сюда!

— Что надрываешься-то! — слышался сердитый окрикъ Софьи Демьяновны, и съ этими словами она вошла въ гостиную, маленькую четырехугольную комнату, заставленную мягкой, ситцемъ обитою, мебелью; по стѣнамъ висѣли олеографіи; на передиванномъ столѣ горѣла высокая фарфоровая лампа съ зеленою бабочкою на абажурѣ.

— Здравствуйте, Александръ Сергѣевичъ! Правда, мѣсто получили?

Можинъ радостно двинулся ей навстрѣчу, поцѣловалъ ея пухлую руку и отвѣтилъ:

— Правда.

— Вотъ это хорошо, это похвально, а то — художество! — сказала Софья Демьяновна, опускаясь въ кресло.

Толстая, коротенькая, она, казалась, не перемѣнила позы, и голова ея, словно вдавленная между жирныхъ плечъ, осталась на той-же высотѣ отъ полу. Въ контрастѣ бюсту и тальѣ, лицо ея было худощаво, съ маленькими черными глазами и вздернутымъ носомъ. Она ласково улыбнулась сѣвшему напротивъ ея Можину и засыпала его вопросами:

— Гдѣ же это? Какое жалованье? Есть ли награды? Скоро ли повышеніе?

Можинъ нѣсколько смутился.

— Всего тридцать рублей, въ управленіи желѣзной дороги; повышеніе уже отъ меня зависитъ!

— Ну, понятно, понятно! — закивала головою Софья Демьяновна:—по желѣзной дорогѣ, говорите? Вотъ это хорошо! Значитъ, билеты даромъ?

Можинъ невольно улыбнулся быстротѣ ея практическаго соображенія и отвѣтилъ:

— Даромъ.

— Вотъ это хорошо, покатаемся мы съ Машей. Маша, Маша! — крикнула она, подымаясь съ кресла:—посидите съ нею, а я на кухню. Слышишь, мѣсто получилъ!—сказала она вошедшей Машѣ.

— Здравствуйте, Марія Николаевна, — поздоровался Можинъ, пожимая ея пальцы.

— Правда, мѣсто, и хорошее?—спросила Маша.

— Вотъ онъ тебѣ все объяснить, посиди съ нимъ! — Софья Демьяновна двинулась съ мѣста и, словно, покатила къ дверямъ, но по дорогѣ обернулась и съ усмѣшкою сказала Можину:

— Нашъ-то за новое взялся: теперь цыплятъ высиживаетъ!

Можинъ улыбнулся въ отвѣтъ и, едва она скрылась, обернулся къ Машѣ. Та стояла подлѣ него, опершись рукою на столъ и съ улыбкою смотрѣла на Можина.

Тѣнь отъ бабочки падала на нижнюю часть ея лица, на пухлый съ ямочкой подбородокъ, на плотныя, красныя губы и на кончикъ прямого тонкаго носа съ толстыми ноздрями.

Свѣтъ отъ лампы освѣщалъ и безъ того свѣтлые сѣрые глаза и бѣлые льняные волосы, гладко зачесанные отъ лба и тяжелой косой падавшіе до пояса.

— Ты довольна, Маша, что я получилъ мѣсто? — тихо спросилъ Можинъ, беря Машу за свободно висящую руку.

Маша улыбнулась и отвѣтила:

— А то какъ же иначе? По крайней мѣрѣ это вѣрное, не то, что картины!

«Какъ и маменька», — подумалъ Можинъ и заговорилъ съ жаромъ, цѣлуя ея руку:

— Ну, я и счастливъ, я и доволенъ! Всѣ рады — и хорошо. Теперь, Маша, я буду служить, а для картинъ хватитъ времени, вѣдь хватитъ? Я на свободѣ буду ихъ писать, а все время служить добросовѣстно, скоро выслужусь, стану получать много денегъ, — и тогда ты станешь моею женою! Вѣдь такъ? — заглянулъ онъ ей въ глаза.

— Да, — отвѣтила Маша.

— Скорѣй бы только! Теперь ты довольна? Подожди немного — и мы будемъ счастливы! — онъ хотѣлъ обнять ее и поцѣловать, но она отшатнулась.

Въ комнату вошелъ Ардальонъ. Онъ видимо сдерживалъ смѣхъ и, махая рукою, торопливо зашепталъ:

— Идите, идите, посмотрите, что папа дѣлаетъ!

Можинъ тихо всталъ и пошелъ за Ардальономъ, позади ихъ шла Маша.

Они прошли столовую, маленькую комнату Ардальона, перешли сѣни и остановились по другую сторону, въ дверяхъ кабинета Николая Ардальоновича.

Посреди кабинета стоялъ большой желѣзный ящикъ на подножкахъ со стеклянною крышкою. Подъ нимъ горѣло нѣсколько спиртовыхъ лампочекъ.

Надъ ящикомъ въ распахнувшемся халатѣ сидѣлъ на корточкахъ Николай Ардальоновичъ и, вытянувъ шею, вытаращивъ голубые глаза, внимательно смотрѣлъ на что-то сквозь стеклянную крышку. Поза его была такъ забавна, лицо выражало такое напряженное вниманіе, что Можинъ и Маша не могли сдержатъ улыбки, а Ардальонъ громко расхохотался.

Николай Ардальоновичъ испуганно вздрогнулъ и оглянулся. Увидѣвъ въ дверяхъ дѣтей съ Можинымъ, онъ быстро выпрямился и съ растерянной улыбкою подошелъ къ нимъ, запахивая свой халатъ.

— Смѣются надъ старикомъ! — ласково сказалъ онъ, подавая руку Можину: — а я все о пользѣ думаю, можетъ удастся, большое дѣло!

— Папа, папа, — хохоталъ Ардальонъ, — да у тебя весь халатъ въ желткѣ испачканъ. Ты вѣрно яйца колотилъ!

Николай Ардальоновичъ посмотрѣлъ на полу халата, по которой широкой полосой текъ яичный желтокъ, и, разсѣянно махнувъ по ней рукавомъ, сталъ говорить Можину:

— Я, видите, дѣлаю приборъ для вывода цыплятъ изъ яицъ. Такіе уже есть, но я упростить хочу. Во-первыхъ, чтобы дешевый, а во-вторыхъ... Ахъ, Господи! — воскликнулъ онъ и бросился къ ящику, подъ которымъ торопливо сталъ передвигать лампочки.

— Здѣсь, видите-ли, главное — равномерность температуры, это главное, — сказалъ онъ, сидя на корточкахъ передъ ящикомъ и переставляя спиртовые лампочки.

— Такъ вотъ-съ, — кончилъ онъ работу и снова

подошелъ къ Можину:—а, во-вторыхъ, чтобы можно было не изъ свѣжихъ яицъ, т. е. и не изъ тухлыхъ, а такъ, не изъ только что вынутыхъ. Только все лопаются, лопаются!—добавилъ онъ съ грустью, и словно въ подтвержденіе словъ его въ ящикѣ послышался слабый трескъ.

— Вотъ видите! — и онъ опять бросился къ ящику.

Въ сѣни вошла Софья Демьяновна.

— А вы съ нимъ тутъ? Вотъ горе мое! Однихъ вѣдь яицъ онъ у меня перевелъ за сотню. Просто смерть.

— А ты погоди горевать-то. Вотъ дойду, такъ цыплятокъ разводить станешь, спасибо скажешь,—перебилъ ее съ раздраженіемъ Николай Ардальоновичъ.

— А, ну тебя!—отмахнулась съ досадою Софья Демьяновна. — Пойдемте чай пить! А ты пойдешь, что-ли?

— Я-то? Я сейчасъ! Только вотъ!..

Всѣ пошли въ столовую, а Николай Ардальоновичъ подошелъ къ ящику и сталъ вынимать изъ него лопнувшія яйца, замѣняя ихъ свѣжими.

— Диво бы изобрѣталъ,—кричала, разливая чай, Софья Демьяновна, — а то вычитаетъ въ газетѣ, закупить, закупить и давай усовершенствовать. Тоже нашелся! Только деньгамъ переводъ. Вотъ тогда тоже... типографъ вышелъ...

— Гектографъ, мамаша,—поправилъ Ардальонъ.

— Ахъ, оставь, пожалуйста! Все равно для печати. Накупилъ ихъ себѣ, накупилъ, деньгамъ переводъ! Хочу, чтобы тысяча выходило, ну, и вышло: тысяча не тысяча, а штукъ восемь этой пакости на чердакѣ валяется! Сколько денегъ извелъ!..

Отъ ея крика было всѣмъ тягостно.

Маша робко опустила глаза въ чашку и боялась поднять ихъ; Можинъ тоскливо разсматривалъ обои на стѣнахъ; пришедшій изъ кабинета Николай Ардальоновичъ смущенно улыбался и, притворяясь углубленнымъ въ шахматный отдѣлъ газеты, не отрывалъ отъ нея глазъ. Одинъ Ардальонъ сидѣлъ, безпечно жуя хлѣбъ и запивая его чаемъ.

А Софья Демьяновна все кричала:

— Дочь-дѣвица, сынъ учится, одѣвай, обшивай ихъ, домъ содержи, а онъ денежки на всякій мусоръ тратитъ: все осчастливить кого-то хочетъ. Лавочки и тѣ смѣются!.. Стаканъ-то вымыть, что-ли?—рѣзко спросила она у Ардальона, принимая отъ него пустой стаканъ.

Ардальонъ откинулся къ спинкѣ стула и, жуя хлѣбъ, отвѣтилъ:

— Мой—не мой, если много помой, то, пожалуй, помой!

— Чортъ знаетъ что!—закричала Софья Демьяновна:—говори толкомъ: мыть или нѣтъ?

— Мойте, мойте!

— Вотъ тоже манера. Не скажетъ, какъ люди, словно старикъ на балаганѣ! Сынокъ! Никакого уваженія, словно я ему не мать, а горничная!

И долго бы еще кричала Софья Демьяновна, если бы не рѣзкій звонокъ, раздавшійся въ передней. Она замолкла, подняла голову и проговорила:

— Кто бы это?

— Фельдфебель! — отвѣтилъ Ардальонъ и побѣжалъ отворять дверь.

— И то—онъ! — проговорила, ни къ кому не обращаясь, Софья Демьяновна, когда въ передней послышался рѣзкій, звонкій мужской голосъ:

— Всѣ дома?

Въ комнату, потирая руки, широко улыбаясь,